

Российские моногорода: факторы развития социально-политических конфликтов¹

Панова Екатерина Александровна

Кандидат социологических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: Panova@spa.msu.ru
SPIN-код РИНЦ: [5512-6859](https://elibrary.ru/author_index.action?id=55126859)
ORCID ID: [0000-0001-8119-1299](https://orcid.org/0000-0001-8119-1299)

Андрюшина Евгения Владимировна

Кандидат политических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: eugenie80@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: [9026-8148](https://elibrary.ru/author_index.action?id=90268148)
ORCID ID: [0000-0003-2443-5677](https://orcid.org/0000-0003-2443-5677)

Аннотация

Статья посвящена анализу факторов возникновения и эскалации социально-политических конфликтов в современных российских моногородах, качество жизни в которых во многом зависит от качества и перспектив функционирования градообразующих предприятий. В моногородах исторически сложилась уникальная управленческая ситуация, когда градообразующее предприятие содержит объекты городской социальной инфраструктуры, оно несет ответственность за их состояние перед всеми группами населения города, независимо от их занятости или безработицы на данном предприятии. Авторы предлагают собственную типологию факторов социально-политических конфликтов, представленных отдельными группами (экономические, специфика политического регионального процесса, социальное благополучие жителей моногородов, модель взаимодействия контрагентов и особенности государства, государственная политика развития моногородов), а также рекомендации по решению проблем развития моногородов, которые связаны с созданием более сбалансированной модели взаимодействия местной, региональной власти и федеральной политической и управленческой элиты для развития моногородов с обязательным усилением финансовых и административных возможностей местных элит и при этом закреплении федеральной/региональной финансовой помощи российским моногородам для выполнения социальных обязательств в случае дефицита местных бюджетов. Дополнительными авторскими мерами развития моногородов является расширение взаимодействия всех контрагентов моногородов (политико-управленческих элит, бизнес сообщества, общественных структур) в решении конкретных проблем моногорода, повышение эффективности государственной политики по развитию моногородов за счет оптимизации политического, административного, институционального, финансового блоков, корректировки государственной политики в отношении молодежи и образовательной госполитики, оптимизации политики занятости в данном типе российских территориальных единиц.

Ключевые слова

Типология конфликтов, социально-политические конфликты, повышение эффективности госполитики, моногорода, госполитика по развитию моногородов.

Russian Monotowns: Factors of Socio-Political Conflicts Extension²

Ekaterina A. Panova

PhD in Sociology, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: Panova@spa.msu.ru
ORCID ID: [0000-0001-8119-1299](https://orcid.org/0000-0001-8119-1299)

Eugenia V. Andryushina

PhD in Politics, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: eugenie80@mail.ru
ORCID ID: [0000-0003-2443-5677](https://orcid.org/0000-0003-2443-5677)

Abstract

The article is devoted to the factors of emergence and escalation of socio-political conflicts in modern Russian monotowns, the quality of life in which largely depends on the quality of functioning of the city-forming enterprises. In monotowns, a unique management situation has historically developed, when a city-forming enterprise contains urban social infrastructure facilities, it is responsible for their condition to all groups of the city's population, regardless of their employment or unemployment at this enterprise. The authors propose their own typology of factors of socio-political conflicts, represented by some groups (economic, specificity of the political regional process, social well-being of residents in single-industry towns, a model of interaction between counterparties and features of state policy for the development of monotowns) as well as recommendations for solving the problems of monotowns development, which are associated with the creation of a more balanced model of interaction between

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

² The research has been supported by Interdisciplinary Scientific and Educational School of MSU "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

local, regional authorities and the federal political and managerial elite for the development of monotowns with a mandatory increase in the financial and administrative capabilities of local elites and at the same time fixing federal/regional financial assistance to monotowns cities for implementing social obligations in case of local budgets deficit, expanding the interaction of all counterparties of monotowns in solving specific problems of a particular settlement, increasing the effectiveness of state policy for the development of monotowns by optimizing the political, administrative, institutional, financial blocks, adjusting youth and educational state policies, and generally optimizing the employment policy in this type of Russian territorial units.

Keywords

Typology of conflicts, socio-political conflicts, increasing the efficiency of state policy, monotowns, state policy for the development of monotowns.

Введение

Монопрофильные промышленные города (моногорода) — явление, прочно вошедшее в отечественную практику государственного управления в XX веке. Предпосылками активизации их резкого увеличения в СССР во второй половине XX века стал клубок разнообразных политико-экономических проблем. В целом развитие моногородов в СССР можно рассматривать как базовый элемент реализации масштабных проектов советской модернизации и урбанизации [Crawford 2018]. Исторически моногорода создавались по модели формирования соцгородов-новостроек в непосредственной близости к промышленным заводам-гигантам [Меерович 2018].

После распада Советского Союза, отхода от плановой экономики, разложения производственных связей и упадка в деятельности градообразующих предприятий моногорода фактически оказались на грани выживания. Резкий скачок уровня безработицы, массовый отток из профессии квалифицированных трудовых ресурсов, рост миграционной активности населения — эти и другие подобные явления сформировали в моногородах накаленную социально-политическую ситуацию, поиск действенных вариантов решения которой до сих пор является сложной задачей для представителей власти.

По данным Росстата, в 2018 году в российских моногородах проживало более 13,5 миллионов россиян, что составляло порядка 9% от общей численности населения страны. Размер населения моногородов существенно варьируется — от цифры в районе трех тысяч (поселок городского типа (пгт) Кизела Архангельской области, пгт Петровский Ивановской области, пгт Белогорск Кемеровской области и др.) до нескольких сотен тысяч жителей (Тольятти, Набережные Челны, Магнитогорск и др.). В моногородах, как ни в каких других территориальных образованиях, проявляется выраженная зависимость общественной жизни, социальной и культурной инфраструктуры населенного пункта от показателей функционирования градообразующего предприятия.

Специфика деятельности и административного функционирования моногородов создает благоприятную почву для возникновения в них социально-политических конфликтов с их специфическими характеристиками как явления и процесса. Конфликт — феномен комплексного плана с точки зрения его предпосылок, факторов появления и развития, форм проявления, видов последствий. Социальная и политическая стороны конфликта тесно связаны между собой по природе своего происхождения и сфере распространения. Социальные процессы порождают действия политического характера: например, отсутствие качественного медицинского обеспечения населения приводит к требованиям граждан об отставке властей; и, наоборот, политические интересы могут спровоцировать социальные протесты, забастовки и т.п.

Ретроспективный анализ научного рассмотрения природы происхождения социально-политических конфликтов в общественном пространстве отсылает к работам как зарубежных, так и отечественных ученых преимущественно начала – середины XX века.

Конфликт (социальный конфликт) позиционируется как следствие социального неравенства, противоположности позиций и интересов различных индивидов и социальных групп, вызванных разным уровнем доступа к статусу, власти, ресурсам [Oberschall 1978]. Анализу характеристик понятия «социальный конфликт» также посвящены работы Д. Бермана (Jessie Bernard), Д. Хагера (D.J.Hager), Х. Шеппарда (H. Sheppard), Р. Вильямса (R.M.Jr. Williams), Р. Соренсена (R.C. Sorensen) и др. [Mack, Snyder 1957].

Вопрос онтогенеза конфликта в социальной среде не сходит с повестки дня отечественной социологии ни на рубеже XX века [Здравомыслов 1996, Прошанов 2007 и др.], ни в последние годы [Иванов 2019]. В поле внимания исследователей находятся «вопросы развития мировоззренческо-методологических обоснований подходов к анализу конфликтных отношений, выявление природы, функций, закономерностей возникновения и развития социальных конфликтов, а также возможностей их моделирования, прогнозирования и нейтрализации» [Самарин 1997, 148].

Целью данного исследования выступает выработка авторской версии типологизации социально-политических конфликтов, наиболее типичных для современных российских моногородов. Для разработки представляемой типологизации были использованы методы анализа и синтеза данных академических исследований по профильной теме, а также обобщение и анализ современной отечественной практики госполитики в отношении моногородов, регионального и муниципального управления.

Особое внимание к теме социально-политических конфликтов в моногородах обосновано не только числом данных специфических территориальных образований (321), что составляет четверть от всех российских городов, но и тем обстоятельством, что они регулярно оказываются в числе социально и политически проблемных территориальных единиц, требующих акцентированного внимания со стороны региональных и федеральных властей.

Социально-политические конфликты приобретают особенно выраженный характер и частоту проявления в условиях нестабильной политической, социальной, экономической среды. Данная проблема традиционно мощно катализируется в моногородах, качество жизни в которых в существенной степени выступает производной от параметров функционирования градообразующих предприятий. В отечественных моногородах исторически сложилась уникальная управленческая ситуация, когда градообразующее предприятие содержит (прямо или косвенно) городские объекты социальной инфраструктуры, оно несет ответственность за их состояние перед всеми группами населения города, вне зависимости от их занятости или незанятости на данном предприятии.

Хотя отдельные исследователи и отмечают, что масштаб проблемы моногородов в России (в рамках их официального списка) сильно преувеличен, а более 2/3 городов и треть поселков городского типа к 2016 г. утратили монопрофильность, но больше чем 90% экономически активного населения занято по месту жительства [Зубаревич 2017]. Данное обстоятельство демонстрирует выраженную зависимость рынка труда от состояния экономики города. Исследователи указывают, что «города, базирующиеся на одном или нескольких крупных предприятиях, сильнее всего реагируют на экономические кризисы во внешней среде» [Аксянова, Чехломин 2018, 52]. Они также обладают низким уровнем гибкости и адаптивности к меняющимся условиям. К примеру, вызовом для российских политико-управленческих элит стали потенциальные протесты в российских моногородах в условиях экономического кризиса 2008–2009 гг. [Crowley 2016].

В подобных условиях моногорода оказываются плодотворной средой для возникновения и развития социальных и политических конфликтов, роста социальной напряженности, фактов социальной девиации, социальной аномии и других деструктивных явлений, способных привести к социальным взрывам с разрушительными последствиями и политическим катаклизмам. Спектр факторов возникновения социально-политических конфликтов отличается выраженной линейкой вариативности. В рамках текущей публикации мы сосредоточим свой анализ на выделении исключительно наиболее крупных групп факторов появления и усиления социально-политических конфликтов в современных российских моногородах. Данная группировка представляет не только научную значимость как форма систематизированного представления многообразия типов социально-политических конфликтов, но отличается и прикладной ценностью, поскольку может использоваться в административной практике как основа для разработки моделей и сценариев оказания на них управленческого воздействия с точки зрения лимитирования сферы охвата или даже нейтрализации.

Результаты исследования

Первой выделяемой нами группой факторов возникновения и развития социально-политических конфликтов является категория экономических факторов, детерминирующая в существенной степени состояние локальных рынков труда — прежде всего в аспекте занятости и безработицы.

Высокий уровень безработицы вследствие массового увольнения персонала градообразующего предприятия, социальная напряженность и социально-трудовые конфликты, миграция и отток трудоспособного населения — типичные проблемы современных российских моногородов. По данным исследований, «уровень безработицы в моногородах за 2008–2018 гг. значительно превышает среднее значение безработицы по России, в среднем почти на 10 п.п.» [Пятшева 2019, 30]. Во многом проблема трудности трудоустройства бывших сотрудников градообразующих предприятий связана с узостью зоны их профессиональной компетенции, лимитированной спецификой содержания трудовых функций и знания применяемых производственных технологий. Свой негативный отпечаток на ситуацию с безработицей в моногородах накладывает и низкая трудовая мобильность, детерминируемая внутренней немотивированностью части жителей моногородов (особенно лиц среднего возраста и «старожилов») к переезду в поисках работы в другие населенные пункты [Мосиенко, Черепанова 2018].

Некоторые авторы публикаций по вопросам занятости населения современных российских моногородов указывают на то, что «трудности в регулировании занятости населения в моногородах ... связаны также с тем, что занятость выступает не только как объект регулирования (прямой или косвенный), но и как важнейший показатель ожидаемого результата вне зависимости от реализуемого воздействия — будь то реализация программ по поддержке малого и среднего предпринимательства, прямая поддержка градообразующих организаций, ввод капитальных объектов в социальной и иных сферах и др.» [Лапушинская 2015, 116].

Состояние экономики моногорода формирует риски перерастания социальных конфликтов в политические. Отсутствие регулярного дохода и работы, деградация социальной сферы, ветхость жилищно-коммунального хозяйства — эти и другие компоненты разложения моногорода стимулируют протестное поведение жителей, реализующееся не только через трудовые забастовки, но и в форме более масштабного, информационно и политически окрашенного поведения:

пикетов, митингов и т.п. При этом протестное поведение выступает не как средство улучшения социально-экономического положения населения, а как резонансная реакция граждан на исключительно кризисные сложившиеся условия.

В отечественной практике сами по себе трудовые протесты редко являются катализаторами мощных политических изменений. Это можно связать с тем фактом, что нынешнее российское трудовое законодательство делает организацию забастовки юридически сложным и времязатратным инструментом реализации прав работников. Протесты, в отличие от забастовки, не подкреплены нормами трудового законодательства, являясь скорее неформальными, стихийными формами выражения мнений отдельных социальных групп. В последние годы в России развивается практика, при которой протесты и другие форматы выражения неудовлетворенности работников условиями трудовых отношений становились драйверами отдельных управленческих решений по объявлению выговоров или отставке части кадрового состава на руководящих позициях регионального и муниципального уровней³. Особенно ярко подобная практика проявилась в период борьбы с коронавирусной инфекцией в 2020 году, когда медики, самоорганизовавшись, без специальной помощи профсоюзов, публично (в формате видеообращений, видеофлешмобов) объявляли о невыплате властями обещанных доплат за работу с вирусными больными. Купирование подобных очагов возникновения социальных конфликтов, грозящих перерасти в политические, стало зоной ответственности региональных властей.

Вторая группа выделяемых нами факторов эскалации социально-политических конфликтов в российских моногородах обусловлена особенностями политического процесса в российских регионах. С учетом специфики политического режима, наиболее традиционных для современной России практик отправления власти (режима «ручного управления», слабости формальных институализированных политико-управленческих механизмов и превалирования неформальных отношений и способов урегулирования противоречий), сложившегося характера взаимоотношений между элитарными и неэлитарными слоями важнейшей задачей для государственной власти является перманентное поддержание высокой степени легитимности правящего режима. Взятие «под личный контроль» решения социально-экономических проблем в первую очередь Президентом РФ стало нормой отечественной политической практики на протяжении последних полутора десятилетий. Нежелание региональных и местных политических элит стать «персонай нон грата» в глазах высшей политико-управленческой элиты выступает фактором, влияющим на их стиль руководства и используемые технологии нейтрализации социально-политических конфликтов на местах, в том числе в российских моногородах.

Нельзя не отметить и внедрение в последние годы в сферу отечественного государственного управления некоторых формализованных оснований — назначение так называемых технократов на высшие и средние политико-управленческие позиции не только на региональном, но и федеральном уровне, введение системы рейтингов глав российских регионов. Вместе с тем эффективность российской власти в целом остается по-прежнему довольно субъективной величиной, а результаты деятельности местных властей в существенной степени детерминируются количеством федеральных ресурсов, степенью государственной поддержки российских моногородов в конкретном субъекте РФ, а также характером взаимодействия местных, региональных и федеральных элит. Степень нахождения компромиссов между руководителями моногородов, местной, региональной и федеральной властью может стать основой для снижения уровня социально-политических конфликтов в российских моногородах. При этом, с нашей точки зрения, значительная роль в нивелировании риска развития

³ Примеры: Североуральск 2008 г., Светлогорье 2009 г., Пикалёво 2009 г., Байкальск 2013 г. и др.

социально-политических конфликтов в моногородах, наряду с федеральным центром, принадлежит местным властям. От них требуется проактивный ответственный подход к решению накопившихся в моногородах социально-экономических проблем, готовность и умение налаживать конструктивный диалог как с руководством градообразующего предприятия, так и с новыми инвесторами. Иными словами, социальная стабильность должна из управленческой цели перейти в норму оперативного управленческого процесса. Формируемая главами муниципальных образований «зона кадровой безопасности территорий, защищенности работника от всевозможных рисков (начиная с невыплаты заработной платы, заканчивая рисками увольнения в связи с ликвидацией или банкротством предприятия) сокращает основания возникновения социальных кризисных явлений и проявлений политической нестабильности» [Иванова 2018, 132].

Третья группа представляемых нами факторов появления и развития социально-политических конфликтов в российских моногородах связана с низким уровнем социального самочувствия населения. Под социальным самочувствием в самом общем виде мы понимаем спектр эмоциональной окраски психологического настроения жителей, сформированный под воздействием как внешних условий (например, уровень доверия к представителям местной власти), так и внутренних (условия жизни, возможности самореализации, перспективы и т.п.). Подобная классификация на внешние и внутренние условия социального самочувствия, безусловное, не является идеальной, выступая скорее как рабочая рамка рассмотрения данного явления в той степени, насколько это целесообразно в текущей публикации.

Как показывают данные социологических опросов, жители «глубинок» последние годы ощущают себя брошенными государством, оставленными наедине с социальными и инфраструктурными проблемами. Их текущая социальная автаркия выступает плодотворной почвой для развития социального протеста, способного в короткие сроки трансформироваться в политический. Для оценки рисков возникновения и развития социально-политических конфликтов в моногородах важны параметры не только общего социального самочувствия всех его жителей, но и молодежи как категории, обеспечивающей стратегическое будущее города и его предприятий. Исследования показывают, что современная молодежь отечественных моногородов весьма пессимистично оценивает свои перспективы трудоустройства и постоянного проживания в моногородах. Опросы, проведенные в отдельных достаточно крупных моногородах (Зеленодольск — население около 100 000 человек, Новокузнецк — около 500 000), дают следующую картину: в Новокузнецке при ответе на вопрос «В каком городе вы планируете получить высшее образование?» вариант «в другом городе» выбрали 70,4% отличников, а также 64,5% обучающихся на «отлично» и «хорошо» [Урбан 2018], 55% выпускников вузов и 83% выпускников ссузов (г. Зеленодольск) не планируют остаться в городе, в котором получили образование [Богданова, Кадырова 2015]. К числу факторов, выступающих как стимулы миграции молодежи из российских моногородов, относятся уровень материального благополучия, а также ограниченность возможностей найти работу, профессионально самореализоваться.

Деграция человеческого и социального капитала моногородов, вызванная непрекращающимся оттоком молодежи (в том числе и за рубеж), — очевидная проблема. Но отсутствие в моногородах качественных вузов и ссузов формирует почву для более глубокой проблемы — проблемы социального воспитания нового поколения трудовых ресурсов, формирования у них осознанности гражданской позиции и гражданского поведения, принятия определенных моральных ценностей и норм социального поведения, компонентов трудовой этики и морали. Рост общего уровня образования в обществе, получаемого через обучение в вузах и ссузах, «ведет к росту уровня жизни, улучшению социально-психологического климата

в обществе, снижению уровня преступности, повышению общего уровня культуры в обществе» [Ревенко и др. 2017, 80]. В рамках моногородов учебные заведения высшего и среднего специального образования способны играть большую роль, чем аналогичные структуры в мегаполисе, за счет способности к формированию мотивации и развитию у молодой части населения навыков предпринимательства, построения и реализации собственных бизнес-проектов, что будет способствовать преодолению монопрофильности городской экономики [Романенко и др. 2018].

Четвертая группа факторов появления и развития социально-политических конфликтов в российских моногородах произрастает из особенностей государственной политики в отношении моногородов, которую можно охарактеризовать как фрагментарную, непоследовательную, связанную с хаотичным видением государством будущего моногородов. Текущие меры государственной поддержки моногородов носят скорее аврально-ликвидирующий характер, чем выступают качественными элементами продуманного комплекса долгосрочных мер. Технологически проблемным местом реализации государственной политики по развитию российских моногородов является характер отчетности о выполнении соответствующих госпрограмм, в котором эпизодически присутствуют расхождения ожидаемых и полученных результатов, неясность способов определения эффективности программ. В части критики современной проводимой российской госполитики в отношении моногородов следует отметить неустойчивость политико-управленческого блока соответствующей госполитики, выражающуюся в перманентном принятии, отмене, корректировках стратегических оснований и инструментов развития российских моногородов и, соответственно, в выработке и имплементации специализированных государственных программ как практического механизма реализации госполитики. Проявлением этого выступает, например, внезапная отмена госпрограммы по комплексному развитию моногородов, которая должна была реализовываться в период с 2016 по 2025 гг.⁴

Неустойчивым характером обладает и институциональный блок государственной политики в отношении моногородов. Так, например, накануне 2021 года Председателем Правительства РФ было принято решение о ликвидации Фонда развития моногородов с передачей функций данной структуры на федеральный уровень, распределением между «ВЭБ.РФ» и органами исполнительной власти РФ. С одной стороны, такое усиление внимания со стороны федерального центра можно трактовать как намерение повысить эффективность функционирования российских моногородов путем унификации управленческих структур и хозяйственной деятельности моногородов, подчинения всего функционирования моногородов общефедеральным политическим стратегическим задачам. С другой стороны, рост степени вмешательства федеральных структур можно рассматривать и как традиционное для российской политики желание взять под строгий государственный контроль данный тип поселений, практически парализуя усилия местной власти в вопросах взаимодействия местных элит с управленческим ядром моногородов.

Неясности будущей модели и формата госуправления моногородами, созданию социальной напряженности и увеличению шансов на ее перерастание в социально-политические конфликты способствует и анонсированное в СМИ намерение российских властей в ближайшие годы сократить количество моногородов, получающих государственную поддержку, с текущих 321 (данные 2020 г.) до 170. С нашей точки зрения, реализация данного намерения содержит в себе мощный катализатор социальных и политических взрывов по причине того, что подавляющее большинство российских

⁴ На новую госпрограмму развития моногородов потратят 57,3 млрд руб. // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2019/5d0cbafc9a7947af87e8c419> (дата обращения: 12.07.2021).

моногородов еще не вышли на плато устойчивого развития, их способность функционировать без специальных мер господдержки крайне невелика. Вряд ли стоит помещать отечественные моногорода в категорию безнадежно больных, но их реанимационный период еще не закончился.

Существующая система отношений федерального центра и регионов предусматривает постоянно усиливающийся пласт ответственности глав субъектов и муниципальных образований за ситуацию на подведомственных им территориях. Моногорода, бюджеты которых во многом находятся в линейной зависимости от экономической успешности градообразующего предприятия, обладают разными материальными возможностями для поддержания уровня жизни населения. Типичной является ситуация, когда финансовых средств, находящихся в распоряжении администрации моногорода, по разным причинам хватает только на часть социальных программ и проектов. Подобный лоскутный характер поддержки социальной сферы негативно влияет как на миграционные настроения граждан, стимулируя их к рассмотрению возможностей покинуть город, так и на самочувствие оставшихся групп населения.

Дополнительную турбулентность ситуации в российских моногородах (пятая группа факторов социально-политических конфликтов) придает существующая сегодня модель взаимодействия власти, бизнеса и гражданского сектора. Исследователи отмечают, что «в настоящее время в большинстве моногородов действует такая модель взаимодействия всех участников, которая не позволяет связать их деятельность для достижения единой цели, направленной на стабильное развитие моногорода. При сложившейся ныне модели, когда в центре — градообразующее предприятие (часто испытывающее очень большие финансовые, производственные трудности), а власти, бизнес и местное сообщество являются лишь дополнительными компонентами, ощутимых результатов достичь трудно» [Бельчик, Якушина 2018, 61]. Если представители власти видят потребность в сохранении моногородов (что является лишь одним из вариантов их будущего [Шаститко, Фатихова 2019]), то требуется признать необходимость стабильной долгосрочной комплексной финансовой поддержки социальной части бюджетов моногородов. При этом поддержка должна носить не разовый характер «заплаток» отдельных возникших социальных конфликтов, а выступать мерой докризисного регулирования.

Выводы

Моногорода как территориальные единицы уникальны как вследствие исторических предпосылок появления и развития данного феномена в отечественной практике, своей текущей роли в региональной и общероссийской экономике, так и в силу особенностей государственной политики по развитию моногородов, специфичной и уязвимой модели взаимодействия всех контрагентов (руководства градообразующих предприятий в моногородах, администрации, бизнеса и населения).

В рамках изложенного выше анализа выделен ряд основных групп факторов возникновения и эскалации потенциальных и реальных социально-политических конфликтов в современных российских моногородах. К первой группе отнесены факторы экономического характера, в значительной степени последовательно детерминирующие практически катастрофическую социальную ситуацию в моногородах. Вторая проистекает из особенностей политического процесса в российских регионах, критической необходимости нахождения компромисса между руководителями моногородов, местной, региональной и федеральной властью как фактора нивелирования риска развития острых социально-политических конфликтов в российских моногородах. Третья группа факторов связана с низким уровнем социального самочувствия

населения, ощущением отчужденности власти от жизни и решения социально-экономических проблем жителей моногородов. «Провалы» в технологическом и институциональном аспектах современной госполитики по развитию российских моногородов составляют четвертый блок факторов появления в них социально-политических конфликтов. С нашей точки зрения, достижение будущего благополучия моногородов возможно только на базе построения конструктивного диалога как в вертикальном ракурсе (федеральный центр, региональная и местная власть), так и в горизонтальном (местные власти, бизнес и локальное сообщество), что составляет пятую группу факторов.

Заключение

В качестве рекомендаций по выравниванию ситуации в российских моногородах предлагается комплекс определенных направлений. Во-первых, создание более сбалансированной модели взаимодействия местных, региональных властей и федеральной политико-управленческой элиты по развитию моногородов. Данный процесс параллельно должен обеспечиваться повышением финансовых и административных возможностей местных элит, фиксированием федеральной/региональной финансовой помощи моногородам на реализацию социальных обязательств в случае дефицита местных бюджетов. Целесообразным считаем и обсуждение вопроса расширения взаимодействия всех контрагентов моногородов при решении специфических проблем конкретного поселения. Требуется повышение эффективности государственной политики по развитию моногородов путем оптимизации политико-управленческого, институционального, финансового блоков.

Наряду с политическими, финансовыми и институциональными аспектами администрирования отечественных моногородов критически важным представляется и решение вопроса корректировки молодежной и образовательной госполитик в целях удержания (а в идеале, и привлечения) в моногородах количества и качества трудовых ресурсов, требуемого потенциальным работодателям. Как показывает наш анализ рынка труда Дальневосточного федерального округа, именно проблема с кадровым обеспечением является одной из основных, препятствующих приходу инвесторов в моногорода, созданию ими рабочих мест и пополнению бюджета города налогами [Андрюшина и др. 2017]. Обеспечение воспроизводства, сохранения и накопления человеческого капитала в моногородах практически невозможно без решения вопроса о наличии возможностей для трудоустройства и занятости жителей моногородов.

В качестве итогового заключения можно сделать вывод о том, что корни социально-политических конфликтов в российских моногородах лежат в плоскости подходов и механизмов государственного и муниципального администрирования, что создает основания говорить о принципиальной возможности нахождения эффективных путей их нивелирования.

Список литературы:

Аксянова А.В., Чехломин С.В. Методы оценки экономической привлекательности моногородов для населения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 52–58. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-2-52-58>.

Андрюшина Е.В., Панова Е.А., Опарина Н.Н. Состояние трудовых ресурсов в Дальневосточном федеральном округе. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2017.

Бельчик Т.А., Якушина Т.А. Влияние градообразующего предприятия на диверсификацию рынка труда моногорода // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-2-59-65>.

- Богданова И.Н., Кадырова Х.Р. Проблема миграции молодежи моногородов и пути ее решения // Высшее образование в России. 2015. № 5. С. 161–163.
- Зубаревич Н.В. Трансформация рынков труда российских моногородов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 4. С. 38–44.
- Иванов О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет // Политика и Общество. 2019. № 6. С. 1–14. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.6.28606.
- Иванова Л.Л. Обеспечение кадровой безопасности в современной России: опыт моногородов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 1. С. 132–138.
- Лапушинская Г.К. Особенности государственного регулирования занятости населения моногородов // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». 2015. № 4. С. 113–123.
- Меерович М.Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-53-65>.
- Мосиенко Н.Л., Черепанова А.А. Жизненные стратегии жителей моногорода: привлекательность места жительства и миграционные установки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-34-41>.
- Прошанов С.Л. Социальный конфликт в трудах российских социологов начала XX века (1910–1914) // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 115–120.
- Пятшева Е.Н. Особенности функционирования моногородов России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 18–34. DOI: [10.28995/2073-6304-2019-2-18-34](https://doi.org/10.28995/2073-6304-2019-2-18-34).
- Ревенко Н.Ф., Чикурова О.В., Силиванова О.А. Влияние градообразующего вуза на демографическую ситуацию в моногороде // Вестник ИжГТУ имени М.Т. Калашникова. 2017. Т. 20. № 3. С. 80–85. DOI: [10.22213/2413-1172-2017-3-80-85](https://doi.org/10.22213/2413-1172-2017-3-80-85).
- Романенко К.Р., Шибанова Е.Ю., Абалмасова Е.С., Егоров А.А. Высшее образование в моногородах: организационные форматы, практики, вызовы // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 4. С. 110–125. DOI: [10.15826/umpa.2018.04.044](https://doi.org/10.15826/umpa.2018.04.044).
- Самарин А.Н. Социальные конфликты в меняющемся обществе // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 145–149.
- Урбан О.А. Набор в вузы как фактор кадровых рисков модернизации моногородов Кузбасса // Социологические исследования. 2018. № 3(407). С. 53–61. DOI: [10.7868/S0132162518030054](https://doi.org/10.7868/S0132162518030054).
- Шаститко А.Е., Фатихова А.Ф. Моногорода России: возможные варианты развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 109–135. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10006.
- Crawford C.E. From Tractors to Territory: Socialist Urbanization through Standardization // Journal of Urban History. 2018. Vol. 44. Is. 1. P. 54–77. DOI: <https://doi.org/10.1177/0096144217710233>.
- Crowley S. Monotowns and the Political Economy of Industrial Restructuring in Russia // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. Is. 5. P. 397–422. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1054103>.
- Mack R.W., Snyder R.C. The Analysis of Social Conflict: Toward an Overview and Synthesis // Conflict Resolution. 1957. Vol. 1. No. 2. P. 212–248.
- Oberschall A. Theories of Social Conflicts // Annual Review of Sociology. 1978. Vol. 4. P. 291–315.

References:

- Aksianova A.V., Chekhlomin S.V. (2018) Methods for Assessing the Economic Attractiveness of Monotowns for Population. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskiye, sotsiologicheskiye i ekonomicheskiye nauki*. No. 2. P. 52–58. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-2-52-58>.
- Andryushina E.V., Panova E.A., Oparina N.N. (2017) *Sostoyaniye trudovykh resursov v Dal'nevostochnom federal'nom okruge*. [The state of labor resources in the Far Eastern Federal District]. Moscow: ARGAMAK-MEDIA.
- Belchik T.A., Yakushina T.A. (2018) The Impact of City-Forming Enterprises on Diversification of the Labour Market in a Single-Industry Town. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskiye, sotsiologicheskiye i ekonomicheskiye nauki*. No. 2. P. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-2-59-65>.
- Bogdanova I.N., Kadyrova H.R. (2015) The Problem of Migration of Young People from Monotowns and Ways to Solve It. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. No. 5. P. 161–163.
- Crawford C.E. (2018) From Tractors to Territory: Socialist Urbanization through Standardization. *Journal of Urban History*. Vol. 44. Is. 1. P. 54–77. DOI: <https://doi.org/10.1177/0096144217710233>.
- Crowley S. (2016) Monotowns and the Political Economy of Industrial Restructuring in Russia. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. Is. 5. P. 397–422. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1054103>.
- Ivanov O.B. (2019) Social Conflicts and Political Protest in Russia over the Recent Years. *Politika i Obshchestvo*. No. 6. P. 1–14. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.6.28606.
- Ivanova L.L. (2018) Ensuring Personnel Security in Modern Russia: The Experience of Monotowns. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*. No. 1. P. 132–138.
- Lapushinskaya G.K. (2015) Features of State Regulation of Employment of Single-Industry Towns. *Vestnik TvGU. Seriya "Ekonomika i upravleniye"*. No. 4. P. 113–123.
- Mack R.W., Snyder R.C. (1957) The Analysis of Social Conflict: Toward an Overview and Synthesis. *Conflict Resolution*. Vol. 1. No. 2. P. 212–248.
- Meerovich M.G. (2018) Soviet Monoprofile Cities: The Story behind and Key Features. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1. P. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-53-65>.
- Mosienko N.L., Cherepanova A.A. (2018) Life Strategies of Monotown Residents: Attractiveness of Residence and Migration Attitudes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskiye, sotsiologicheskiye i ekonomicheskiye nauki*. No. 1. P. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-34-41>.
- Oberschall A. (1978) Theories of Social Conflicts. *Annual Review of Sociology*. Vol. 4. P. 291–315.
- Proshanov S.L. (2007) Sotsial'nyy konflikt v trudakh rossiyskikh sotsiologov nachala XX veka (1910–1914) [Social conflict in the research of Russian sociologists of the early XX century (1910–1914)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 12. P. 115–120.
- Pyatsheva E.N. (2019) The Functioning Features of Single-Industry Towns in Russia. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravleniye. Pravo»*. No. 2. P. 18–34. DOI: [10.28995/2073-6304-2019-2-18-34](https://doi.org/10.28995/2073-6304-2019-2-18-34).
- Revenko N.F., Chikurova O.V., Silivanova O.A. (2017) Influence of the Town-Forming Higher Education Institution on Demographic Situation in the Monotown. *Vestnik IzhGTU imeni M.T. Kalashnikova*. Vol. 20. No. 3. P. 80–85. DOI: [10.22213/2413-1172-2017-3-80-85](https://doi.org/10.22213/2413-1172-2017-3-80-85).
- Romanenko K.R., Shibanova E.Ju., Abalmasova E.S., Egorov A.A. (2018) Higher Education in Single-Industry Towns: Models, Practices, Challenges. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. Vol. 22. No. 4. P. 110–125. DOI: [10.15826/umpa.2018.04.044](https://doi.org/10.15826/umpa.2018.04.044).
- Samarin A.N. (1997) Social Conflicts in the Changing Society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 2. P. 145–149.

Shastitko A.E., Fatihova A.F. (2019) Company Towns in Russia: Some Thoughts on Development Alternatives. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 76. P. 109–135. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10006.

Urban O.A. (2018) Admission to Universities as a Factor of Human Resources Risk in Piodernizing Kuzbass R-Ionocities. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 3(407). P. 53–61.

Zubarevich N.V. (2017) Transformation of Labor Markets in Russia's Monotowns. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*. No. 4. P. 38–44.

Дата поступления/Received: 17.07.2021